

ни устраивать себѣ по образцу западныхъ народовъ такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы къ еще худшему положенію“ („О знач. русск. рев.“). И вслѣдъ за этимъ Толстой подстрекаетъ крестьянъ не „давать податей“, не давать „своихъ сыновей въ солдаты“ и пр.!

Но ограничиваясь „художественнымъ“ разгромомъ Россіи, Толстой употребилъ для той же цѣли еще возмутительнѣйшія кощунства надъ христіанскими воззрѣніями на власть. Признавъ всякую власть узаконеннымъ „правомъ грабежа властителями народа“, онъ заявляетъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ „грабежь продолжается безъ помазаниковъ“, а въ другихъ—„право грабежа утверждается помазаніемъ масломъ главнаго грабителя“ и „главный грабитель признается священной особою“. Церковь, слѣдовательно, узаконяетъ, освящаетъ и помазуетъ грабежь!.. Съ ужаснымъ цинизмомъ Толстой издѣвается надъ церковнымъ обрядомъ вѣнчанія царей на царство и ихъ муропомазаніемъ. „Для утвержденія права грабежа одного человѣка, мы ведемъ этого человѣка въ храмъ, надѣваемъ на его особенную шапку, сажаемъ на высокое кресло, даемъ ему въ руки палочку и шарикъ, мажемъ постнымъ масломъ и во имя Бога и Его Сына провозглашаемъ особу этого намазаннаго масломъ человѣка священной.